

А. Баранов

Современная польская литература Литвы: поликультурное пространство, русский контекст

Польскоязычная литература Литвы имеет многовековую традицию существования. Она содержит в себе богатые потенциальные возможности компаративистских интерпретаций. В контактно-генетических связях, естественно, наиболее активны ее отношения с этнической литовской культурой.

Следует обозначить важный для современной ситуации аспект. Литературоведение Литвы в условиях возрождения государственности подготовило фундаментально-синтетические труды с выразительной тенденцией канонизации национальных ценностей: «История литовской литературы: XIII—XVIII века» (под ред. Эугении Ульчинайте и Альбинаса Иовайшаса) [5], «История литовской литературы: XIX век» (под ред. Иозаса Гирдзияускаса) [4], «Литература XX века» (Витаутаса Кубилюса) [3]. Перечисленные научные труды вызывают неоднозначные оценки критики с позиций сегодняшнего дня. Тенденциям позитивистского историзма, национальной метанаррации противопоставляется создание открытой модели культуры, где реализуется функция взаимодействия различных литератур. Популярны в настоящее время в Литве исследования, издаваемые Оксфордским университетом, в частности теоретика нового историзма Стефана Греенблатта [12]. Отвергается способ мышления, связанный с однородностью этнической идентификации. Бригита Спейчите подчеркивает, что «литература Литвы включает тексты, которые были написаны на различных языках, прежде всего литовском, польском, белорусском, русском, а также гебрайском, идише, караимском и др.» [16, с. 45]. Эти тексты активизируются в процессе межкультурной коммуникации.

Польская литература Литвы оригинально выявляется в сопряжении с разнообразными локальными национальными культурными контекстами: белорусским, украинским и, в неодинаковой степени на различных этапах, русским. Она структурно и содержательно многолика. В конце XVI века появились уникальные произведения о Литве на польском языке. Яркий тому пример — «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси»

(1582) Мацея Стрыйковского. Заслуживает внимания такое явление, как билингвизм и творчество литовско-польских двуязычных писателей. Отдаленные связи с русской культурой могут быть выявлены на типологическом уровне: Сильвестрас Теофилис Валюнас (1789—1831) — элементы литературы Просвещения и романтизма в его творчестве; Иозапас Альбинас Гербачяускас (1876—1944) — эстетика модернизма, а также контактно-генетические связи с творчеством Л. Толстого и Д. Мережковского.

Русский контекст польскоязычной литературы имел неординарное наполнение в сложных политических условиях XIX века. Ян Оффенберг так писал о позитивизме в Литве:

Это был период величайшего развития русской литературы. Польская молодежь поглощала произведения Достоевского, Толстого, Тургенева, Чернышевского, Щедрина, Некрасова. Охотно читались периодические издания, прежде всего «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Слово», где публиковали свои произведения наиболее выдающиеся писатели [13, s. 197].

Необходимо констатировать, что русский контекст польскоязычной литературы Литвы в диахроническом и системном аспектах не исследован. Данное семантическое поле вмещает в себя и польскую литературу современной Литвы. Этот литературный пласт хронологически охватывает вторую половину XX века. Важная цезура ее развития — начало 1990-х годов, обретение Литвой государственной независимости. Всепоглощающей доминантой современной польской литературы Литвы в жанровом отношении является поэзия. Она насчитывает несколько десятков авторов различных поколений: Ядвига Бембновская, Михал Волосевич, Александр Соколовский, Войцех Пиотрович, Славомир Воротыньский, Александр Снежко, Ромуальд Мечковский, Генрик Мажуль, Юзеф Шостаковский, Алиция Рыбалко, Збигнев Мацеевский, Люцина Буковская, Люцина Пшчоловская, Рената Пшчоловская, Алиция Мицкелевич и др.

Творчество названных поэтов объединяют с литературой Польши и современной литовской литературой универсальная проблематика и экзистенциальные мотивы. Оно духовно неотделимо от культуры Польши, ключевые имена которой — Мицкевич, Словацкий, Шопен, Монюшко, Выспяньский, Милош. В то же время польскоязычная поэзия Литвы гиперчувствительна к региональным мотивам и тематике, связанной с Вильнюсом и Виленским краем. Прозрачна в ней традиция межвоенных регионалистов, существенны тенденции обращения к легендарному прошлому Литвы, функциональны мотивы Великого княжества Литовского. На различных уровнях этой поэзии просматривается амбивалентность, например в стихотворении Люцины Буковской «Два края» («Dwa kraje»):

Potrzeba mi wiatru znad Wilii
I polskiej mowy znad Wisły.

Potrzeba mi dumy Warszawy
i ciepła perelki mej — Wilna.

Potrzeba mi wiary i mocy
by kochać dwa kraje urocze.

Więc spoglądając na niebo — proszę.
Udziel nam Łaski, o Ostrobramska,
a Częstochowska nas, dzieci, uchowaj!

A potem cichutko odmawiam pacierz —
za moją Ojczyznę i Macierz [1, s. 29].

Данная поэзия пограничья неустанно «пульсирует» в обогащающем ее поликультурном пространстве. Важнейшая ее особенность — память о самоидентичности.

Амбивалентность дает о себе знать и в измерении сакральном, как у Р. Мечковского «В часовне Божьей Матери» («W Ostrej Bramie»):

O szyby kaplicy zamglone
deszcz srebrem gęsto dzwoni
do litewskiego boga
w modlitwie nieśpiesznej tonie
w półmroku lśni korona
Tej
co w opiece Wilno trzyma
i razem mnie z tym miastem
moim i nie moim [8, s. 72].

Достаточно выразительны в стихотворении аналогии с «Осенним дождем» Леопольда Стаффа. Возникают вопросы, на которые нельзя найти однозначного ответа. Идет ли здесь речь о службе на литовском языке, на где поэт оказался случайно? А может быть, это молитва осеннего дождя, обращенная к языческому богу? Многозначна и метафора: «miasto moje i nie moje». Ощутимы многоточия, недосказанность.

Заслуживает внимания и содержащая черты шедевра лирическая миниатюра А. Рыбалко:

Język polski jest pełen szelestów,
litewski zaś — pełen syków —
Jak żmija na suchych liściach —
dwie hostie na moim języku [14, s. 134].

В ней явна тенденция субъективизации; благодаря метафоризации контекст достигает сакрального уровня. Возникают противоречия, вызывающие неоднозначные размышления: литовский язык — змея, а польский — сухие листья.

Поликультурное пространство становится более динамичным, когда меняется ситуация лирического героя, связанная, например, с временным отъездом. Появляется беспокойство, обусловленное утратой «своего» в оппозиции к «неизвестному», может быть даже универсальному. Ощущима обозначенная тенденция в стихотворении Р. Мечковского «В январе при укладывании чемодана» («W styczniu przed pakowaniem walizki»), неотъемлемой составляющей которого выступает русский контекст:

W pamięci ciebie miasto — a to już rytuał —
przed wyjazdem zachować usiłuję
bardzo dokładnie — bo raz jeszcze ostatni
Zawładnąć chcę każdym szczegółem stycznia
i mroźnym zachodem czerwonego słońca
i rozmową na Zwierzyńcu po litewsku
przy pokrytej bielą śniegu cebuli cerkwi
Łzy nieotarte na żydowskich murach
otrzeć po kryjomu chcę na Niemieckiej
Pojmuję raptem — wyjazd przyśpiesza
chłód tężniejący od jakiego już odwykłem
a palto słabiutki —
na takie mrozy źle w tych stronach wróży [10, s. 9].

Православие — неотъемлемая часть архитектуры Вильнюса, а в ментальном измерении «сакрального пейзажа» оно предстает, как правило, локально; топос церкви («церковная луковка» — «cebula cerkwi») красочно варьируется в зависимости от поэтики произведения и индивидуальности автора. Еще один пример из поэзии Мечковского — «На Липовке тополя и клубы пыли» («Na Lipówce topole i kłęby kurzu»).

Липовка (Lipówka, Liepkalnis) — район Вильнюса со своим местным колоритом, внутренней жизнью, специфическим течением времени. *Paysage mentale* оригинально отображает следующий фрагмент:

Na Lipówce topole i kłęby kurzu
rozklekotaną taksówką pochmurnie
brodaty woźnica powozi
co wczoraj zsiadł z dorożki —
tu częściej padnie ruskie słowo
i po pijanemu ktoś zawodzi
dni są tu zawsze wietrzne —
w drewniane domki na pagórkach
ostro przeciąg wchodzi
ponad dachami zygzakami kluczy
a szerniała cebula cerkwi
ponuro wyczekuje
na chorałów uroczyste basy [8, s. 103].

Очевиден об'єктивизм інтелектуальної поезії Мечковського, он накладає відбиток і на її сакральні мотиви.

Поетія А. Рыбалко легко піддається інтерпретації в гендерному напрямку (но цей аспект не входить в задачі даної статті). Нав'язаний весною тончайший, делікатний ліризм насичує сакральне простір стихотворення «Жверинас полумартом, полувсерьез» («Zwierzyniec pół marcem, pół serio»). В нем явні пересечения з польським фразеологічним оборотом «полупшутя, полувсерьез» («pół żartem, pół serio»):

Cerkiewka
brwi woskowe uniosła wysoko
w zadziwieniu ogromnym,
wykreślonym cegłą:
«A czemuż to, mileńkie,
choć mam was na oku,
uliczek dzisiaj tyle do Zakretu zbiegło?»

Aż błękit kałuż gniewnie wystrzelił na strony:
«Babusi, u,
czcigodna wprawdzie, lecz przygłucha!
Wspomnij swe lata młode,
natęż resztę ucha —
toż wiosna bije w drzewa
na alarm zielony!» [15, s. 34].

Іншу ліричну ситуацію, пов'язану з топо́сом церкви, знаходимо в стихотворенні Марії Лотоцької:

Byliśmy sami w starej cerkiewce
z kolorowymi szklami
powybijanych okien
z pustą aleją
dziko porośniętą chwastem
krzywe schody skręcały
gdzieś w bok
stękając głucho pod ciężarem
naszych kroków
twoje dłonie kurczowo
ściskały moje
oczy masz zielone jak morze
w których można utonąć
powiedziałeś
szliśmy w mrok po drewnianych
dawno nie szorowanych
deskach startych... [6, s. 21].

Образ полуразрушенной церквушки вызывает яркие ощущения, так как *passage mentale* передается здесь через чувства влюбленных и обогащается смыслами благодаря вводному мотиву: «byliśmy sami w starej cerkiewce».

Топос культуры России наиболее функционален в поэзии С. Воротыньского, дебютировавшего в 1961 году. Он мог бы стать русским поэтом польского происхождения — подобная перспектива была вполне реальна. Однако в его билингвизме утвердился польский язык. Возможности печататься в тогдашней советской Литве были ограничены периодическим изданием «Красное знамя» («Czerwony Sztandar») с его официальной прокоммунистической ориентацией. Отсюда в поэзии Воротыньского начало трагизма и нигилистического бунта. Вокруг личности поэта возникают белая и черная легенды.

Топос, восходящий к русской культуре, окрашивается в светлую пушкинскую тональность («Снежная Ахматова» / «Śnieżna Achmatowa»):

Przecież mogliśmy nie przychodzić.
I nie kochać się w poniedziałki.
I nie czytać w kawiarniach Puszkina.
I nie czekać na sny wieczorem.
Przecież mogliśmy tam pozostać
po odwrotnej stronie liczydła dat.
Odnalazły nas ciepłe ręce,
kiedy padał z księżycy śnieg [17, s. 62].

В стихотворении «Свет в комнате Лермонтова» («Światło w pokoju Lermontowa») поэт как бы укладывает связанный с собственной судьбой канон, контекст русской литературы выявляет тревожную тональность:

W stearynowym ubraniu zapłonęła niby do ślubu
biała świeca, strzępy mroku rzucając na strony.
Boję się nie śmierci, o nie! Boję się zniknąć bez śladu.
Stearyna padała miękkimi kroplami na obrus ciszy i nocy.
Ptasie pióro natchnienia spacerowało po nagiej kartce stulecia.
Nikto nie pridiot na bal. (Nikt nie przyjdzie na bal.)
Czy to nie jest korytarz śmierci, jeżeli nie będzie balu? [17, s. 141].

Поэзия Воротыньского наделена также есенинским надломом: «Одиночество» («Samotność»), «Смерть дерева» («Śmierć drzewa»), «Сонет старой собаки» («Sonet starego psa») др. Польскость его поэзии достаточно прозрачна на ассоциативном уровне (Каспрович), что просматривается в следующих строках:

Przyniosłem z lasu przędzę drzew,
Pachnący sen konwalii.
Natchniony ptaków dźwięczny śpiew.
Piękniejszy niż w La Scali.

Przyniosłem jeszcze w garści deszcz
Przed zakochanym słońcem.
I ten maleńki, cichy wiersz,
Którego jestem ojcem [17, s. 131].

Возникают типологические пересечения как с францисканскими мотивами Каспровича, так и тональностью, поэтической структурой его поздних стихов:

Przynoszę ci kilka pieśni
Na nutę niewyszukaną,
W górach je naszych zebrałem,
Przy stawach, pod skalną ścianą.

Przy stawach, pod skalną ścianą,
Na tej spadzistej przełęczy,
Gdzie śnieg się jeszcze w tej porze
Błagalnie ku niebu wdzięczy [2, s. 185].

Поэтизация культуры, сходные с ивашкевичевскими и отсылающие к парнасизму тенденции могут быть обнаружены в таких произведениях, как «Нить Ариадны» («Nić Ariadny»), «Боги Сафо» («Bogowie Safony»), «Дриада» («Driada») и др. Польская и русская литературы вводятся Воробьевым в универсальный контекст культуры.

Достаточно ощутимы в польской поэзии Литвы обращения к реалиям советского и постсоветского пространства. Со стороны компаративистики в этой поэзии второй половины XX века функционируют типологические параллели с литовской литературой того времени, например при использовании эзопового языка. В советское время и литовская, и польская поэзия Литвы компенсировала отсутствие в духовной жизни народа некоторых ферментов истории, социологии, религии. Она была одним из способов сопротивления политической системе.

Характерно в этом отношении стихотворение «Вождь управляет Лукишской площадью» («Wódz rządzi placem Łukiskit»), где речь идет о памятнике Ленину, демонтированном в 1991 году. Реалии советского прошлого оживают в ретроспективном пространстве воспоминаний, связанных с конкретизацией отдельных деталей быта и психологических ощущений. Соответствует данной тональности стихотворение «В Советской армии в Эстонии» («W Sowieckiej armii w Estonii»):

Kiedy w dusznych koszarach lipcową nocą
sny się śniły zbiorowo jak rozstrojone organy
w kryjówkach i na jawie żyliśmy miłością
i tylko o niej potajemnie rozmawialiśmy

I jedliśmy szproty z pobliskiej przetwórni ryb
co kilogramów parę na gruby szary papier
nie skąpiąc mi wrzuciły estońskie robotnice
gdy się przedostałem przez dziurę w ogrodzeniu
do ich kobiecej i bardzo nocnej zmiany

Jedliśmy szproty złociste rękami do syta
czarny likier z aluminiowych kubków popijając
i rozmawialiśmy w mieście nadmorskim Parnawa
ja — Polak mylony z Litwinem i Litwinem zwany
Rosjanin Jura Kiejkow i Ajvars Neško — Łotysz

Miłości z całą pewnością nie było w koszarach
ani pół kilometra dalej za kolczastymi drutami
ojczyzny też nie było i alkoholu zabrakło —

Po lepkich palcach spływał gęsty olej żółty
na wargach twardniała wykwintna słodycz likieru [9, s. 44].

Топос, соотносящийся с понятием «советский», модифицируется в 1990-х годах прошлого столетия в новых условиях независимой Литвы («Мудрость дистанции» / «Mądrość dystansu», «Вечно Зеленый Мост» / «Wiecznie Zielony Most», «В отделе Сведбанка» / «W oddziale Swedbanku»). Возникла проблема преодоления негативного стереотипа синонимичности понятий «советский» и «российский». Она по своему решается в стихотворении Р. Мечковского «Науки отца капуцина» («Nauki ojca kapucyna»). Пребывание главного героя на Колыме не изменило его отношения к надежденной живительной энергетикой русской песне:

...Gdy pieśni braknie — ostatnia niech będzie mantrą
ostatecznie ciągnij pieśń po rusku — ale niegłośno
Rosjanie dużo ich mają — najlepsze te o słowikach
to leczy duszę —

Śpiewaj szczerze — z pokorą i daleko patrz —
radził mi ojciec Stanisław Dobrowolski
co siłę równin i pieśni odkrył za Polarnym Kołem
w kopalni węgla w pobliżu Kołymy —
ostatni kapucyn w okolicach Doliny Issy [10, s. 14].

В польской поэзии Литвы существенен социолингвистический аспект многоязычия и отношения к русскому языку. «Урок польского» («Lekcja polskiego») отсылает нас к тому же советскому периоду с доминированием одного государственного языка и одной культуры (часто в форме псевдокультуры), заглушавшей национальную самобытность:

Nie miało nas tu być
złamanego plemienia niedobitki...
To był czyściec za życia
z nieodmiennym przekleństwem
z rosyjska —
jestestwem w głębi siebie
z kryjówką dla rodowodów
i słów okaleczonych
w zamkniętych duszach jak granice... [8, s. 87].

Однако и в обновленной социокультурной ситуации не все стабильно и однозначно положительно, о чем сигнализируют следующие строки:

O — nasza kresowa mowo —
ileż języków musisz uszanować
wypowiadając jedno polskie słowo [8, s. 89].

Содержательно данный мотив обрамляется семантикой стихотворения «Звуки улицы Стикло» («Dźwięki ulicy Szklanej»). Метафора Вавилонской башни отображает языковую ситуацию современной Литвы, где в литовско-польско-русско-английской полифонии доминирует литовский язык:

W jednym z rdzawych okien
pożydowskiej kamieniczki
drze się po rosyjsku
Pugaczowa
aż do bólu soczyście —
coś pęka w człowieku
zmusza do ucieczki —

W drugim przez lufcik
agresywnie
w rytmie precyzyjnym
po angielsku ktoś wrzeszczy —

Litewska mowa jak rzeka
pozbawiona tamy
dosięga wszystkich zakamarków
niegłośna acz nieustępliwa
zaklina wolność i węzów —

Po polsku wiatr rozmawia
w nieodomkniętych bramach
o drogę pyta
błądzi niezdecydowany
i nie znajduje odpowiedzi... [8, s. 77].

Многоязычие Литвы — явление позитивное в интерпретации другого поэта, Г. Мажуля. Важной и трудной задачей становится сохранение равновесия ценностей, не допускающего деформации, столь характерной для советского прошлого:

I choć płakał Mickiewicz, choć się wstydził Ruszczyc,
Litwinieliśmy z góry, ruszczeliśmy z dołu [7, s. 77].

У польской поэзии Литвы специфическое лингвистическое наполнение, имеющее прямое отношение к русскому контексту. Наиболее ощутима данная ее художественная сторона в произведениях А. Снежко с их яркой сатирически-юмористической тональностью и обилием лексики пограничья — белорусизмов и русизмов: «żyguluk», «pusk», «legkowuszka» и др. Эта несколько тривиальная поэзия пользуется популярностью, и у нее есть свой реальный перцепиент (критик, читатель). На языке пограничья он — человек «tutejszy» («здесьшний», «свой»). Поэт, сам также «tutejszy», чувствителен к самоидентичности и обеспокоен отношением к нему в этнической Польше:

Choć łamią mowę, schronię duszę
Pod pancierz ze stalowej łuski,
A tobie, panie, radzić muszę,
Byś o mnie nie śmiał mówić «Ruski» [11, s. 46].

Польская поэзия Литвы в ее поликультурном пространстве контаминирует с иными национальными контекстами, в первую очередь — литовским, о чем речь шла выше. Различные культурные топосы взаимно обогащаются, рельефна специфика каждого из них. Русский контекст ближе белорусскому в отображении дистанции по отношению к советскому прошлому. Польская поэзия Литвы, вне сомнений, функционирует в поликультурном пространстве более широкого плана, закодированном в языке архитектуры, ландшафте (легенды о реках, озерах, камнях) Вильнюса и Литовского края. В поликультурном обилии своих контекстов она в определенной степени имеет эпигонский характер и по-своему герметична.

К высокой поэзии следует отнести прежде всего творчество Р. Мечковского, Г. Мажуля, А. Рыбалко, В. Пиотровича и др. Польскоязычная поэзия оригинально высвечивает полифоничность культуры Литвы. Перспективным представляется ее сопоставление с белорусской, украинской, русской литературой в том же самом художественно-эстетическом пространстве. Герменевтическая стратегия исследований может быть реализована в сопряжении с постколониальными и гендерными наблюдениями.

Туманны перспективы развития данной литературы. Налицо общая тенденция ее эволюции и развития литовской поэзии XXI века. Лирич-

ность поэзии прошлого столетия уступает место депозитизации и постмодернистским экспериментам (Ромуальд Лавринович, Алиция Мицкелевич и др.). Тематика становится предельно универсальной, а контуры инонациональных контекстов, в том числе и русского, в условиях глобализации достаточно размыты.

Список литературы

1. *Bukowska L.* Okruchy liryczne. Zielona Góra, 1994.
2. *Kasprowicz J.* Hymny, Księga ubogich, Mój świat. Warszawa, 1956.
3. *Kubilius V.* XX amžiaus literatūra. Vilnius, 1996.
4. *Lietuvių literatūros istorija: XIX amžius* / red. J. Girdzijauskas. Vilnius, 2001.
5. *Lietuvių literatūros istorija: XIII-XVIII amžius* / red. E. Ulčinaitė ir A. Jovaišas. Vilnius, 2003.
6. *Łotocka M.* Wierność sobie. Warszawa, 1994.
7. *Mażul H.* Doszukać się orła. Wilno, 1991.
8. *Mieczkowski R.* Dźwięki ulicy Szklanej. Bydgoszcz, 1999.
9. *Mieczkowski R.* Na litewskim paszporcie. Wilno, 2011.
10. *Mieczkowski R.* Nikt nie woła. Wilno, 2008.
11. *Po stokroć wracam* / red. M. Berowska, B. Urbankowski. Warszawa, 1995.
12. *Rethinking literary history* / ed. L. Hutcheon, M. J. Valdes. Oxford, 2002.
13. *Romanowski A.* Pozytywizm na Litwie. Kraków, 2003.
14. *Rybalko A.* Eilėraščiai : wiersze. Vilnius, 2003.
15. *Rybalko A.* Listy z Arki Noego. Wilno, 1991.
16. *Speičytė B.* Poetinės kultūros formos. LDK palikimas XIX amžiaus Lietuvos literatūroje. Vilnius, 2011.
17. *Worotyński S.* Kontrasty i analogie. Kaunas, 1990.
18. *Worotyński S.* Złamana gałązka bzu. Wilno, 2005.

